

Львов Л.

Чехов

Источник: Россия и славянство (Париж). 1931. 11 апреля. № 124. С. 2, 5.

<...> На состоявшемся в минувшую субботу в Париже «вечере новых инсценировок» А.П. Чехова М. Чехов опять показал нам чеховские миниатюры, причем две из них были как бы новым претворением не удовлетворившей и его, и нас части «московского» вечера в «Мажестике»... Но на этот раз эти инсценировки были показаны «в гриме и в костюмах», и, кроме самого Чехова и вторившего ему Громова, в исполнении их приняли участие «художественник» же Асланов, артист Студии Московского Художественного Театра Бондырев и молодые ученики новой парижской студии М.А. Чехова. Теперь, вспоминая этот вечер, вспоминаешь, прежде всего, совершенно изумительную по мастерству игру самого Чехова – его поразительный дар пластического перевоплощения, неисчерпаемое разнообразие и непостижимую легкость его игры.

2

Вот он старый, с большой седой бородой, весь заросший сединой, в наглухо застегнутом теплом халате, в как бы вросших в лицо очках, старый «папенька» – въедливый, пронзительный, непереносимо упрямый и до ощущения физической боли жестоко «наседающий» старик... А вот жизнерадостный, пышущий весенним избытком сил, молодой студент – почти мальчик, беззаботно, легко и весело и совершенно неожиданно для самого себя напивающийся до глупейшего опьянения... Казалось бы, можно ли показать больший контраст, чем эти два чеховских образа, но вот есть же Чехов – «фигура» из чеховского рассказа «Утопленник» – жалкое существо в котелке, спившийся до полного самоизничтожения, до залезания в чужие карманы и до готовности за тридцать копеек броситься в реку «блаародный чек» (воспользуюсь обозначением кн. С.М. Волконского).

Но как же виртуозна была игра Чехова в этих чеховских «пустячках» (не пустяком, а жутким символическим образом повеял на нас лишь чеховский «папенька»), от сценического воплощения этого чеховского репертуара и на этот раз у нас все же осталось бы только впечатление лишь пустого развлечения и любования – пусть замечательным, но только занимательным, разменявшимся на забавные анекдоты – театром, если бы не было одного спасительного момента. И этим моментом был оказавшийся в центре всего этого вечера чеховский рассказ «Торжество победителя». Этот монолог, исполненный Чеховым, одиноко сидящим на стуле посреди большой пустынной эстрады, оправдал весь этот вечер и сделал его – наверное, не для меня только одного – незабываемой, не зачеркиваемой раз навсегда встречей с Чеховым.

Да, когда-то вспоминающейся по сей день как живое переживание была для меня встреча с ним – милым диккенсовским Калемом Пламмером. Теперь я ношу в своей душе – и я знаю, что с этим впечатлением буду ходить среди людей уже

всегда, – воспоминание о Чехове – чеховском молодом, маленьком чиновнике, как о победе из побед мечтающем для себя о жалчайшей должности помощника письмоводителя и скачущем, хлопая руками и выкрикивая «ку-ка-реку» вслед за своим папашей вокруг стола, за которым изволит восседать «Его Превосходительство». Почти недвижно и лишь время от времени оборачиваясь по сторонам, он сидел перед нами, как бы вкоренившись в стул, и с исчезающей почти ни на мгновение сияющей улыбочкой на своем личике с приглаженными височками рассказывал он нам, как изволило обедать «Их Превосходительство» – этим рассказом обнажая до последнего предела, горестнейше раскрывая великую печаль, трагедию своего существования... Да, Чехов показал нам во всем блеске «натуралистическую» игру свою в этот вечер во всех показанных им ролях, но только ли «благородство натурализма» было явлено нам в этой исповеди чеховского чиновника, и не было театра, который – согласно гоголевскому завету – томится одним «натурализмом» и не может не устремляться к высшему преодолению его во имя высших целей!.. Да, эту улыбочку чеховского человечка, это глубокое наивное сияние и этот врывающийся – в мгновение горестного воспоминания о пережитых унижениях тягостный мрак душевный, все заволакивающее торжествующее чувство мстителя за испытанное поругание – мы не забудем уже никогда. И этих слез, которые ручьями текли по лицу этого смешного человека, когда он вспоминал о своей матери, мы не забудем их... В эти мгновения творчество М.А. Чехова уводило нас опять к недостижимым высотам, в мир горний – неизмеримо далекий от всяческой нашей суеты сует и житейской обыденщины.

<...>

***

В заключение все же не об одном, а о двух Чеховых. Какая это великая радость и сколько утешения, когда наблюдаешь, что творческий дар как бы переходит по наследству в одном роде... Перестает думать о преходящей случайности и невольно обращаешься к мысли о закономерности и непреложности. Соловьев-историк и Соловьев-философ... Отец и сын Чупровы... Или вот – дядя и племянник Чеховы. И это явление среди нас Чехова-писателя и Чехова-актера не уверение ли это для нас в том, что мы даже и теперь, в наши горестнейшие и позорнейшие годы, не имеем права и не должны упасть душой. Творческий дух, создавший величие России, и донныне не угасает, и священное пламя, как и в годы, в которые жил старший Чехов, пылает на жертвеннике. И наше горе лишь в том, что младший Чехов вынужден был, как и все мы, перенести страшнейший внешний гнет, надругание и разорение, унести свое призвание и свое творчество за рубеж родины и утверждать свой творческий опыт в нужде и лишениях, под чужим небом, здесь, в Париже. Но пусть то обстоятельство, что как раз в самые последние годы имя Tchekhoff для французов становится столь же близким и дружеским именем, как и имя Tourgueniev, да будет это для него счастливым предзнаменованием!